

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1991 г.

ЖУРАВЛЕВ В. К.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ Е. Д. ПОЛИВАНОВА

(К 100-летию со дня рождения)

Пристальное внимание к научному наследию Е. Д. Поливанова диктуется тем, что он был выдающимся представителем блестящей плеяды отечественных ученых 20—30-х годов. Именно в эти годы формировались новые принципы научного мышления, наиболее ярко проявившиеся в физике, математике, биологии и химии. В процессе закладки фундамента НТР отечественная наука вообще и лингвистика в частности играли достойную роль. Что касается собственно лингвистики, то именно в этот период она пересматривала свои основополагающие принципы, завершая ту эпоху, когда единственно научным признавался сугубо исторический подход к явлениям языка, эпоху крупнейших достижений сравнительно-исторического метода, разработанного на материале индоевропейских языков. Необходимо было обобщить достижения индоевропейского сравнительно-исторического языкознания и наметить пути экстраполяции его научных достижений на материал других языков. И, наконец, — именно в этот период, именно в нашей стране лингвисты разрабатывали теоретические основы «языкового строительства».

В центре научных интересов Е. Д. Поливанова — самые разнообразные проявления языковой эволюции. Его деятельность пронизана поисками наиболее общих закономерностей развития языка, что должно было в конечном итоге привести к созданию общей теории. Постепенно создается книга «Теория эволюции языка». Удалось, однако, издать в 1923 г. на узбекском языке в Ташкенте лишь ее первый небольшой вариант или фрагмент «Понятие эволюции языка». Рукопись целой книги, о которой неоднократно говорил и писал Поливанов, пока не обнаружена [1, с. 318]. По отдельным публикациям можно судить о целостной концепции языковой эволюции Е. Д. Поливанова.

Наиболее характерной ее особенностью является строгое разграничение сферы непосредственного воздействия социальных факторов и собственно внутренних законов развития «языковой техники». Такое разграничение восходящее к бодуэновской концепции внешних и внутренних «сил», имеет огромное методологическое значение общенаучного характера, являясь неперемнным условием вскрытия причин и механизма эволюционных процессов. Оно так или иначе напоминает сходное разграничение в биологии: именно в эти годы рядом с генетикой встает популяционная генетика, зародившаяся в недрах отечественной науки. На месте своеобразного ламаркизма с его абсолютизацией внешних факторов, а в данном случае — социального воздействия на развитие языка (во Франции — социологическая школа, а также А. Мейе, А. Одрикур, в СССР — Р. О. Шор, Н. Я. Марр и др.) Поливанов выдвинул фундаментальную формулу: «экономический быт влияет на субстрат языка, а изменение субстрата от-

ражается на эволюции языка» [1, с. 222, примеч. 21], но существуют и иные», «(не социального) порядка факторы звуковых и грамматических изменений» [1, с. 85—86].

Любопытно, что Поливанов глубоко осознал и четко сформулировал положение о недопустимости объяснения звуковых изменений непосредственными экономическими сдвигами, весьма схожее со следующим замечанием Энгельса относительно «передвижения согласных»: «Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись посмешищем, объяснить экономически... происхождение верхненемецкого передвижения согласных» [2]. «Требовать, чтобы какой-либо фактор экономического или политического порядка,— писал Поливанов,— изменил направление этого изменения, чтобы, например, вместо *ц* или *ч* (из *к* смягченного) получился какой-нибудь другой звук — *ф*, *х*, *з* или т. п., ведь это равносильно было бы допущению, что от известного общественного сдвига (допустим, от такого крупнейшего факта, как революция) могло бы измениться направление в движении поршней паровоза, чтобы они задвигались не параллельно, а перпендикулярно направлению рельсов» [1, с. 226, ср. с. 86, 211].

Уделяя огромное внимание проблеме языковых контактов, глубоко вскрывая механизм межъязыкового взаимодействия, Поливанов все же предпочитал искать внутренние причины звукового изменения. Так, выявляя происхождение мягкостной корреляции согласных в дунганском, он подчеркивал, что постороннее, иноязычное влияние не исключено, но оно «...может быть только с о п у т с т в у ю щ и м у с л о в и е м, н о н е м а т е р и а л о м самого процесса» [1, с. 117]. Материалом для такой корреляции послужили исконные сочетания согласных при наличии отдельных мягких согласных, еще не составлявших корреляцию.

Положение о принципиальной допустимости «самодвижения» «языковой техники», языковой материи ни в коей мере не противоречит постулату о социальной сущности языка. И наоборот, «признание зависимости языка от жизни и эволюции общества (и, значит, от экономического развития прежде всего) вовсе не отменяет и не отрицает значение естественноисторических теорий эволюции языка» [1, с. 226]. Поливанов неоднократно подчеркивал, что одностороннее объяснение причин языковой эволюции лишь внешними факторами, вне учета саморазвития — уже преодоленный этап развития науки: «Действительно, совершенно нелепым упрощением будет попытка объяснить все факты современного, например, русского, языка экономическо-политической историей последних ста, трехсот или пятисот, а тем более последних двадцати лет, если объяснитель... упустит из вида технический момент эволюции языка: и материал эволюции..., и технические законы языкового развития» [1, с. 181]. Это положение Поливанова, весьма существенное и чрезвычайно смелое для эпохи 30-х годов, актуально и для наших дней. Глубокое осознание различий внешних и внутренних сил, внешней и внутренней лингвистики привело к расщеплению истории языка на две лингвистические дисциплины со своими специфическими задачами, предметом и методом: историческую грамматику и историю литературного языка. Отечественное языкознание раньше, чем зарубежная лингвистика, смогло преодолеть синкретизм истории языка, заложив основы новых дисциплин исторического цикла: истории литературного языка, с одной стороны, а с другой — диахронической фонологии и диахронической морфологии. В зарубежной романистике, например, объяснение языковых изменений стараются найти либо в доисторическом субстрате романских языков, либо непосредственно в политических или экономических процессах. Отечественная русистика

традиционно нацелена на вскрытие внутренних закономерностей даже там, где субстрат русского языка зафиксирован и отдален от современного состояния русской речи на той или иной территории десятилетиями [3].

Отрицание непосредственного влияния социальных факторов на развитие языка при безоговорочном признании социальной сущности языка и полемизация о необходимости изучать эволюцию языка в теснейшей связи с эволюцией его носителей Поливанов объединил удивительно простым решением: социальные факторы непосредственно влияют на социум, а речевая деятельность последнего — на его язык. Он постоянно подчеркивал, что «...экономическо-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей (или так называемый социальный субстрат) данного языка или диалекта, а отсюда вытекает и видоизменение отправных точек его эволюции» [1, с. 86]. Собственно объем и социальное содержание, «количественные и качественные изменения контингента носителей данного языка» оказывают определенное воздействие на характер и темп языковой эволюции [1, с. 189, 191]. Социально-экономические и политические условия определяют характер «...кооперативной деятельности этого коллектива, обуславливающей как экстенсивность, ... так и интенсивность языкового общения» [1, с. 177], а в конечном счете — объем и содержание социального субстрата языка. На месте бинарной оппозиции «язык и общество» (непосредственная связь истории народа и его языка), преобразованной Бодуэном де Куртенэ в трехчленную (добавлено разграничение «внешнего» и «внутреннего»), Поливанов различал, с одной стороны, понятия «общества» (геср. «народа») и языкового коллектива, социального субстрата данного языка, диалекта или иной его формы (литературный язык и т. п.) и с другой — понятия народа, общества. Так, например, если социальным субстратом русского стандартного языка предреволюционной эпохи была русская интеллигенция, то после революции его субстрат не только значительно демократизировался, но и расширился за счет прежних «иностранцев» [1, с. 214]. Эволюцию понятийного аппарата фундаментальной проблемы взаимоотношения языка и общества можно представить следующим образом ¹:

1) Традиционная	Я. ← О
2) Бодуэновская концепции	Вт. } ← О
	Вш. }
3) Поливановская	Вт. ← Сб.
	Вш. ← ↑ О
	—

Выдвижение во главу угла языковой эволюции социального субстрата данного языка еще недостаточно осознано, но это положение постепенно становится отправным пунктом при построении истории литературного языка и диахронической социолингвистики. Более того, это положение имеет огромное значение в теории и практике языкового строительства. В решении проблем создания или реформы литературного языка центральной задачей является выбор «опорного диалекта». Если опорный диалект литературного языка выбран без учета перспектив динамики развития соответствующего языкового коллектива, то такой литературный язык рано или поздно с неизбежностью будет переживать сдвиг диалектной базы, перестройку своих норм. Постепенный сдвиг диалектной базы переживают сербскохорватский, болгарский и некоторые другие литературные языки.

¹ Сокращения: Я — язык; О — общество; Вт. — Внутренняя структура языка («языковая техника»); Вш. — Внешняя система языка; Сб. — Социальный субстрат языка.

В их основу были положены сельские территориальные диалекты. Сдвиг идет в сторону увеличения характерных черт столичных городских диалектов (соответственно Белграда и Софии), оказавшихся вне территории опорных диалектов. В эпоху формирования современного узбекского языка Е. Д. Поливанов резко возражал против попыток положить в его основу диалект сельских узбеков как наиболее «чистый», характерный, народный, массовый и т. п. Он предложил взять за основу литературного языка говор городских узбеков. Этот говор, хотя он и не свободен от инородных черт (иранизация, отсутствие сингармонизма), более перспективен в плане социально-экономического развития всех узбеков. И жизнь полностью подтвердила концепции Е. Д. Поливанова [5].

Исключительный интерес представляет выдвинутая Н. Д. Поливановым проблема «языковой преемственности»: «Знание языка и состав, языка, — утверждал он, — определяются не индивидуумом, а диктуются индивидууму коллективом» [1, с. 180]. Способы «языкового преемства» социально и исторически обусловлены, связаны с различными формами воспитания детей (коллективными или семейными) [1, с. 86], характером коммуникативных связей подрастающего поколения со сверстниками и старшими, характером работы над усвоением языка [1, с. 57] и т. п. Любопытно, что в многочисленных работах по теории литературного языка упущен его важнейший дифференциальный признак. Именно литературный язык нуждается в особом способе «преемства», сохранения и передачи последующим поколениям — в особом институте целенаправленного обучения литературному языку, в различного рода школах. Родной устный разговорный язык передается из уст в уста, усваивается с молоком матери, спонтанно. В то же время нередко у носителей литературного стандарта «языковыми родителями» будут не «физические родители», а другие лица [1, с. 77].

Специфику эволюции «литературного стандарта» вслед за Е. Д. Поливановым можно обобщить в виде следующей антиномии: развитие литературного языка заключается отчасти в том, что он все меньше развивается. Чем больше культурных ценностей на данном литературном языке, тем больше люди дорожат языком как своим культурным достоянием, тем более ревностно усваивают нормы, принятые в языке, тем устойчивее его фонетическая и морфологическая структуры (см. [4]).

Строгое разграничение внешних и внутренних факторов языковой эволюции позволило выявить специфику и механизм действия как одних, так и других и заложить фундамент как «внешней», так и «внутренней» лингвистической «историологии», сформулировать задачу создания общего учения «о действительных для всех языков принципах и причинах звуковой эволюции». Е. Д. Поливанов создал оригинальную теорию конвергентно-дивергентных процессов. Общеизвестно, что эта теория является отправным пунктом (фундаментом) диахронической фонологии [5] и, безусловно, — других разделов диахронической лингвистики, разрабатывающих теорию внутренней эволюции, внутренние причины и механизм спонтанных изменений «языковой техники». Цель такой диахронической фонологии (как и всей диахронической лингвистики), по Поливанову, — «... уже не просто установление историко-фонетических фактов на разных этапах языковой истории, но прагматическая мотивировка этих фактов, в итоге дающая логически разъясненную картину всей данной эволюции...» [1, с. 135].

И в самом деле, концепция младограмматиков (как, впрочем, и современных генеративистов) позволяет устанавливать и хорошо описывать звуковые изменения. Их концепцию звуковых законов можно представить

следующей формулой: $L \left\{ \frac{a > b}{P} \right\} T$: звук (а) переходит в звук (b) в опре-

деленном фонетическом окружении позиции (P) в данном языке на данном этапе его развития. В центре их внимания переход одного звука в другой, судьба отдельного звука [6, с. 45]. Поливанов обратил внимание на судьбу звука (а), который не переходил в (b) вне условий перехода (позиции не-Р). Оказывается, что (а) не просто переходит в (b), а расщепляется, дивергирует: $a \rightarrow b \text{ — } c$. Более того, «дивергенция... есть не что иное, как обратная сторона двух конвергенций» [1, с. 71]. Естественно, дивергенты (b) и (с) должны совпасть, конвергировать с какими-то другими звуками данного языка на данном этапе его развития: «в громадной массе случаев дивергенция сопровождается той или иной конвергенцией, и при этом диктуется ею» [1, с. 71]. Формула конвергенции имеет следующий вид: $a \times b \rightarrow c$. Эту взаимосвязь конвергентно-дивергентных процессов, формализуя поливановский конкретный пример [1, с. 111—112], можно выразить общей формулой: $c \leftarrow c \times \frac{a_1}{P_1} : \frac{a_2}{P_2} \times b \rightarrow b$. Таким образом, (а) дивер-

гирует, варьируя в соответствующих позициях, расщепляется на (а₁) и (а₂), которые уже самостоятельно конвергируют с (b) и (с). Здесь отдельные звуковые изменения как бы сами собой связываются, взаимно мотивируя друг друга, превращаясь в цепь взаимосвязанных и взаимообусловленных событий. Формула Поливанова уже не просто удобный аппарат для описания историко-фонетических изменений [1, с. 111—112], но и совершеннейший аппарат, позволяющий вскрыть внутреннюю логику картины «всей данной эволюции». Применяя аппарат конвергентно-дивергентной теории Е. Д. Поливанова, в принципе можно вскрыть весь ход эволюции фонологической системы данного языка. И в самом деле, наблюдая дивергенцию, следует искать рядом конвергенцию ее дивергентов, а далее — дивергенцию конвергентов; можно таким образом «прошить» всю историю данного языка [6, с. 188]. Глубина конвергентно-дивергентной теории Поливанова до сих пор не осознана во всей полноте: лингвисты черпают из нее отдельные детали, оставляя в стороне другие, не менее ценные.

Так, Р. О. Якобсон перевел поливановскую теорию на язык своей (и Н. С. Трубецкого) фонологической теории и, как бы сложив формулы Поливанова, получил формулу мутации фонологических оппозиций:

$$+ \left\{ \begin{array}{l} a \times b \rightarrow c \\ a \rightarrow b \text{ — } c \end{array} \right. \\ \hline A_1 : B_1 \rightarrow A_2 : B_2.$$

При этом выпала центральная идея поливановской концепции, идея взаимосвязи, взаимообусловленности конвергентно-дивергентных процессов, выпала позиционная обусловленность звуковых изменений и мн. др. Кроме того, выпала связь с концепцией «фонетических законов», объяснение их непреложности и логическая необходимость исключений из них, различие собственно фонетических и фонологических процессов, выявление длительного этапа подготовки конвергентного скачка и т. п.

Вполне возможно, что отсутствие разграничения фонетического и фонологического аспектов во всех (за редчайшим исключением) работах по исторической/диахронической фонетике/фонологии вплоть до самых новейших объясняется тем, что Поливанова не было среди нас, а его работа «Мутационное изменение в звуковой истории языка» длительное время пылалась в архиве [1, с. 111]. А между тем «подготовительный этап» дивер-

генции — это фонетический закон младограмматиков с его непреложностью в самом чистом виде. Собственно акт дивергенции или конвергенции — уже фонологический процесс. Речь идет о фонологизации комбинаторных вариантов, что достигается снятием жесткой позиционной обусловленности. Это находит выражение в последующей конвергенции и нарушении прежнего фонетического закона путем порождения исключений [6, с. 198—203].

Все это богатство поливановских идей осталось вне поля зрения Р. О. Jakobsona. И все же именно с модификации Р. О. Jakobsonом конвергентно-дивергентной теории Е. Д. Поливанова начинается диахроническая фонология. Р. О. Jakobson как бы сложил формулы конвергенции и дивергенции Е. Д. Поливанова и получил формулу фонологической мутации — $A_1 : B_1 \rightarrow A_2 : B_2$.

Две основные части эволюционной теории Поливанова при всей строгости их разграничения составляют единое целое как части целостной лингвистической концепции, однозначно и непротиворечиво проявляющейся как при решении проблем диахронии, так и синхронии. Основные элементы его лингвистической концепции максимально просты и немногочисленны.

Отправным пунктом всей лингвистической концепции Поливанова является четкое представление о коммуникативной функции языка, определяющей как цели его развития, так и тенденции сохранения его коммуникативной пригодности: «... конечная цель языкового развития, сопровождающего социально-экономическую перегруппировку коллективов, связываемых кооперативной потребностью в перекрестном общении: при всяком таком изменении „человеческого (или социального) субстрата“ является создание единообразного языка для его нового „социального субстрата“» [1, с. 212]. Перегруппировка коллективов, конвергентно-дивергентные процессы социумов сопровождаются конвергентно-дивергентными процессами языковых образований (языков и диалектов). При этом социально-экономический и культурный уровни коллектива определяет преобладание дивергентных или конвергентных процессов, расщепление праязыка либо сближение языков независимо от их родства. Лексика, в отличие от «языковой техники», более подвижна и теснее связана с изменением социальных и культурно-исторических условий [1, с. 76—77]. В центре внимания Е. Д. Поливанова «работа над усвоением языка», своего или чужого [1, с. 57]. Здесь Е. Д. Поливанову принадлежит выдающееся открытие закономерностей восприятия иноязычной речи: «...слыша чужое неизвестное слово..., слушающий пытается найти в нем комплекс... с в о и х фонетических представлений, т. е. разложить на с в о и фонемы, и даже соотносить с в о и м (т. е. присущим родному языку слушающего) законам сочетания фонем» [1, с. 236]. Оказывается, слушающий иноязычную речь первоначально не слышит звуки и звуко сочетания, отсутствующие в фонологической системе родного языка. Для методики преподавания неродного языка это положение фундаментально: чтобы научить правильно говорить, надо научить правильно слышать, т. е. сформировать фонологическую систему изучаемого языка. Это положение фундаментально и для фонологии как особой дисциплины лингвистического цикла: нет непосредственной связи между физическим звуком и фонемой как элементарной единицей языка, между «фоном» и фонемой. Один и тот же звук может соотноситься с разными фонемами, одной фонеме может соответствовать несколько звуковых реализаций, один и тот же отрезок речевого потока может различно чле-

няться представителями различных фонологических систем как в синхронии, так и в истории данного языка. Это положение является центральным и в целостной концепции языковой эволюции. Здесь и механизм усвоения устных заимствований, и механизм систематического влияния одного языка на другой, например, процесс иранизации узбекского языка, санскритизации дравидийских и дравидизации индоиранских языков и т. п. и т. д. [1, с. 252—253]. Разграничение анализа и синтеза речевого потока, по мнению Поливанова, теснейшим образом связано с признанием положения о коммуникативной функции языка. В этом положении заложены и основы сопоставительной фонетики (и грамматики) неродственных языков, и теории билингвизма, и научные основы обучения неродному языку (как способа целенаправленного «языкового преобразования»), вскрывается механизм интерференции при разного рода языковых контактах. При этом ни «внешние», ни «внутренние» факторы языковой эволюции не остались в тени. С точки зрения Поливанова, весьма существенна специфика каналов заимствования и наличие посредника в передаче книжной культуры и т. п. [1, с. 252—253].

Всю лингвистическую концепцию Поливанова характеризует последовательный психологизм. В свое время И. А. Бодуэн де Куртенэ, движимый идеей единства науки о языке, распространил психологизм морфологии на фонетику, заложив основы «психофонетики» (фонологии). Пражисты вслед за Ф. Ф. Фортунатовым во имя единства науки о языке поставили задачу освобождения и фонетики и морфологии от психологизма. Поливанов, оставаясь верным бодуэновскому направлению, распространил психологизм на весь язык в целом, на все его проявления, заложив тем самым основы современной психолингвистики. На месте традиционной психологии индивида у Поливанова выступает социальная психология, психология языкового коллектива. Целостность лингвистической концепции Е. Д. Поливанова базируется на синтезе психологизма и социологизма.

Важнейшей чертой поливановской лингвистической концепции, чертой, имевшей первостепенное значение в эпоху кардинальной перестройки фундаментальных принципов научного мышления, является подчеркнутая преемственность научных знаний, то, что Н. Бор сформулирует как «принцип соответствия»: не отвергать предшествующие теории, а включать их в новую концепцию как частный и предельный случай. Поливанов многократно повторял: «...нельзя игнорировать лингвистическую культуру, созданную предшествующими поколениями, нельзя не знать установленных ею фактов, как и методов, позволяющих убедиться в математически точной доказательности этих фактов...» [1, с. 52]. Принцип кумуляции научных знаний, на котором упорно настаивал Е. Д. Поливанов в 30-е годы, не утратил свое ведущее значение и в наши дни. «Работа над созданием марксистского языкознания, — писал он, — должна выражаться не в виде похоронного шествия за гробом естественнoисторической лингвистики, а в построении новых лингвистических дисциплин на том фундаменте бесспорных фактов и положений, которые даны лингвистикой как естественнoисторической дисциплиной. Бессмысленно, например, отрицать конкретную картину звуковой и всякой другой эволюции, добытую компаративным языкознанием, ибо она, как и сам компаративный метод, достаточно уже проверена эмпирически; нужно не браковать, а пополнять те стороны картины, где остался пробел, — именно дать фактам социологическое обоснование» [1, с. 185]. В эпоху интенсивных поисков специфики марксистского языкознания Е. Д. Поливанов убежденно подчерки-

вал: «... в лингвистике ... нет утверждений, противоречащих марксизму, — точно так же, как, например, и в области математики, математической физики, ботаники и т. д.: те результаты, которые добыты лингвистикой как наукой естественной исторической, остаются в полной мере приемлемыми и для представителя марксистского мировоззрения» [1, с. 51]. Поливанов с глубочайшим уважением относился к своим предшественникам (младogrammatикам) и учителям (Бодуэн де Куртенэ, Шахматов), а также к современникам (Якобсон, Трубецкой), споря с ними. Он был непримирим лишь по отношению к претенциозному невежеству. Хорошо зная состояние зарубежной и отечественной науки, он гордился успехами последней: «... не нужно думать, что новейшие продукты западноевропейской лингвистической мысли всегда представляют нечто действительно новое для советского лингвиста. Проработка общелингвистических вопросов в русской науке во многих отношениях далеко опередила то, что делалось на Западе [1, с. 184—185].

Создавая целостную и принципиально оригинальную концепцию, Поливанов включал в нее лучшие достижения науки своего времени. И в новой концепции собственно нет детали, не известной современникам и предшественникам. Однако каждая деталь, становясь частью новой концепции, значительно преобразовывалась, приобретая новое содержание. И связь истории языка с историей народа, и психологический подход, и анализ коммуникативной функции языка, и закономерности фонетических изменений — все это содержалось в трудах предшественников, но став частью целостной концепции Поливанова, приобрело фундаментальный характер.

Конвергентно-дивергентная теория Поливанова относится, безусловно, к наиболее фундаментальным открытиям сравнительно-исторической фонетики, сопоставимым лишь с открытием фонетических законов младogrammatиками. Новая теория ни в коей мере не зачеркивает опыт предшественников, являясь действительно фундаментальным обобщением их теории и практики. Прогресс науки заключается в совершенствовании способов сжатия информации. В свое время Ньютон обобщил весь предшествующий опыт изучения движения планет в простой и изящной формуле. Поливановские формулы обобщают весь предшествующий опыт исследования звуковых изменений, включая все фонетические законы младogrammatиков (как частные и предельные случаи). И в самом деле, позиционное варьирование фонем в истории любого языка — предпосылка дивергенции, а большинство зарегистрированных в исторических фонетиках изменений сводится в конечном счете к конвергенциям. Характерна реакция Ушакова на доклад Поливанова о конвергенциях: «Что же еще, кроме конвергенций, существует в области историко-фонетических изменений?» [1, с. 99, примеч. 9].

Фундаментальный закон или теория должны удовлетворять требованиям концептуальной универсальности, т. е. все исходные понятия должны иметь универсальный характер. И в самом деле, за символами а, b, с конвергентно-дивергентных формул могут скрываться определенные фонемы любого языка, на любом этапе его развития. Более того, конвергентно-дивергентная теория может быть применима и в морфологии, и в синтаксисе, и в лексике. Всю силу этой теории Поливанов успел продемонстрировать лишь в фонологии, на примере фонетических изменений, что казалось ему наиболее трудной проблемой. Разработать эту концепцию и для других разделов языкознания он не успел. Лишь в небольшом примечании к статье, опубликованной посмертно, в 1968 г. [1, с. 114, примеч. 1], Поливанов дает примеры из историко-морфологических явле-

ний: 1) композит типа *право* × *учения* → *правоучение*; процессы грамматикализации типа лат. *viva* × *mente* > франц. *vivement*; 2) морфологическая конвергенция двух членов (в частности, падежей) в одной и той же парадигме, например, образование синкретического дательного-местного в узбекском из конвергенции дат. (-*gei/kei*) × местн. (-*dei/tei*) → дат./местн. (-*gei/kei*) [1, с. 114]. Конвергентно-дивергентная теория может быть применена и к процессам расщепления и смешения языков и диалектов. На месте одностороннего подхода традиционной компаративистики с ее дивергентной моделью родословного древа, конвергентной модели «пирамиды языков» Н. Я. Марра у Поливанова выступает конвергентно-дивергентный процесс, строго обусловленный конвергентно-дивергентными процессами языковых коллективов, их социально-экономическим и культурным уровнем.

Другим признаком фундаментальности является возможность логически выводить из фундаментальной формулы (закона, положения и т. п.) другие законы и формулы. Так, формула мутации Якобсона логически выведена из формул Поливанова. В свою очередь формула мутации $A_1 : B_1 \rightarrow A_2 : B_2$ стала фундаментальной в диахронической фонологии, включив в себя как формулу конвергенции (при $B_2 = \emptyset$), так и дивергенции (при $B_1 = \emptyset$), вскрыв, кроме того, и еще один тип фонологических изменений, рефонологизацию (оппозиция сохраняется, но на других основаниях).

Сопоставив формулы Поливанова $a \rightarrow b \div c$, $a \times b \rightarrow c$ с формулой синхронной нейтрализации $\frac{a:b}{P_r} \rightarrow \frac{c}{P_n}$, можно чисто логическим путем прийти к выводу, что конвергенция и дивергенция фонем обязательно проходят стадию нейтрализаций, ибо первые от последней отличаются отсутствием позиционной обусловленности [6, с. 96; 188—198]. С этой точки зрения, фонологическая суть конвергентно-дивергентных процессов и заключается в снятии позиционной обусловленности путем постепенного увеличения (либо уменьшения) позиций релевантности (P_2) или позиций нейтрализации (P_n). Через позиционное снятие противопоставлений, от позиции к позиции, путем постепенного увеличения числа позиций нейтрализации (P_n) оппозиция исчезает полностью, фонемы ($a \times b$) конвергируют. Смысл конвергенции аллофонов двух дивергирующих фонем — в увеличении позиций релевантности новой, зарождающейся оппозиции.

Экстраполируя понятийно-формальный аппарат поливановской конвергентно-дивергентной теории, можно логическим путем вывести формулу морфологической конвергенции (A, B, C — план выражения; a, b, c — план содержания):

$$\frac{a \times b}{A \times B} \left. \vphantom{\frac{a \times b}{A \times B}} \right\} \rightarrow \begin{cases} 1) \frac{a - : - b}{c}; \\ 2) \frac{c}{A - : - b}; \\ 3) \frac{c}{C} \end{cases}$$

Действительно, до введения понятия «фонетического закона» переходы одних звуков в другие ничем не ограничивались. Младограмматики ввели ограничения, «запреты» на «свободу» переходов:

$$L \left\{ \frac{a > b}{P} \right\} T$$

Звук (а) переходит в (b) в строго определенном «фонетическом окружении»

в определенных позициях (Р) в данном языке (L_1) на данном этапе его развития (T_1). Система налагает запрет на «переходы» другого рода, например, $a > c$. Наличие рефлексов иного перехода — свидетельство заимствования из другого языка или диалекта, либо обусловлено иной позицией (P_1), или относится к другому периоду в развитии языка (T_2). Исследователь, задавшийся целью вскрыть закономерности «переходов», открыть тот или иной фонетический закон, вынужден ограничить свою фантазию строгими условиями постулата о непреложности фонетических законов, вынужден упорно выискивать позиции (Р), которые обуславливали данный «переход». Фундаментальное положение сравнительно-исторического языкознания породило целую лавину открытий конкретных фонетических законов. При этом некоторые из них были сформулированы одновременно разными исследователями независимо друг от друга.

Опыт экстраполяции методов компаративистики, выкованных в недрах индоевропейского языкознания, на материал других языковых групп неоспоримо свидетельствует о необходимости «младограмматического этапа» с его постулатом о непреложности фонетических законов.

Р. О. Якобсон ввел новое ограничение, формулу мутации $A_1 : B_1 \rightarrow A_2 : B_2$. Изменяется фонема A_1 не сама по себе. Изменяется соотношение между данной фонемой и другими фонемами данного языка на данном этапе его развития, изменяется фонологическая оппозиция $A : B$. Теперь нельзя изучать историю фонемы $\bar{t}$ в славянских языках как постепенное изменение $\bar{a} \rightarrow \bar{e}\bar{a} \rightarrow \bar{e}^a \rightarrow e \rightarrow i^e$ и т. д. Теперь необходимо изучать историю оппозиций $\bar{e}_1 : \bar{e}_2 (< \bar{e} : ai)$, $\bar{e} : a$, $\bar{e} : i$, $\bar{e} : e$, $\bar{e} : e$ и т. п. Теперь суть и происхождения русского аканья нельзя рассматривать лишь как «переход» $o > a$, как произношение [a] на месте [o]. Теперь это история оппозиции /a : o/, история позиционного снятия прежнего противопоставления [6, с. 188]. Фундаментальные положения этой истории и логически верные выводы из нее нельзя выбросить, опустить, обойти, рано или поздно они будут открываться вновь и вновь, входить в науку под другими именами.

Как заметил П. Ивич [7], в формуле мутации и в диахронической концепции Р. О. Якобсона опущено понятие позиции, игравшее значительную роль у младограмматиков, а также в конвергентно-дивергентной теории Е. Д. Поливанова. Спустя несколько десятилетий фундаментальное понятие позиции было вновь введено генеративистами и поставлено во главу угла.

Из фундаментального положения о ведущей роли оппозиции в историко-фонетических процессах можно сделать конкретный и частный вывод, что в славянских языках, как и в литовском, в древнюю эпоху строго соблюдалась зависимость согласных и гласных по отношению к твердым и мягким звукам, т. е. различие твердых и мягких слогов, которое с течением времени постепенно слабеет [8]. Понадобилось целых полвека, чтобы положение о «мягкостной корреляции слогов» было осознано и заново открыто [9], а еще через два десятилетия это положение независимо от предшественников и вполне самостоятельно было еще раз открыто как «эпоха силлабем» [10]. А это положение — фундаментальное для истории праславянского и славянских языков.

Е. Д. Поливанов вскрыл строгие запреты, налагаемые системой на произвол звуковых изменений: характер и качество дивергентов и конвергентов, аллофонное варьирование фонемы как подготовительный этап дивергенции, направление конвергенции, будучи тесно взаимосвязанны-

ми, определяются в конечном счете фонологической системой данного языка на данном этапе его развития. При этом накладываются и ограничения на фантазию исследователя. После Поливанова нельзя реконструировать промежуточные этапы звуковых изменений на основании внеисторического «удобства произношения» либо универсалий или фреквенталий, ибо арбитром является прежде всего сама фонологическая система, наличие соответствующего потенциального конвергента либо дивергента. Так, «переход» праиндоевропейской фонемы $/s/$ в определенных фонетических условиях (после i, u, r, k) в $x < *s$ (слав.), $\varsigma < *s$ (скр.), $\$ < *s$ (литов.) нельзя реконструировать на основании внешней реконструкции как последовательную смену, скажем, $*s > \varsigma > \$ > x$. Ни для стадии ς , ни для стадии $\$$ у славян не было подходящих условий, не было ни соответствующего потенциального конвергента — ни признака «палатальности», ни «церебральности». Был признак гуттуральности, отсюда и характер дивергенции $s \rightarrow s-:-x$. У литовцев был соответствующий конвергент $k' > \$$, отсюда и $*s \rightarrow s-:-\$$; фонема $/\$/$ явилась результатом конвергенции $*s (> \$) \times *k' (> \$) \rightarrow \$$. У славян рефлекс палатального $/k'/$ «поддержал» немаркированный член оппозиции, конвергенция здесь получила иной характер: s_1 (не x) $\times s_2$ ($< k'$) $\rightarrow s$. Таким образом, применив поливановскую конвергентно-дивергентную теорию, нам удалось вскрыть теснейшую взаимосвязь между аллофонным варьированием с последующей дивергенцией фонемы $/s/$ и процессами сатемовой палатализации в сатемовых языках [11]. Вскоре, вероятно вполне самостоятельно и независимо, связь между этими процессами установил Х. Андерсен [12] не только для славян, но и для балтов. Далее, цепь конвергентно-дивергентных процессов приводит к конвергенциям рядов $*k^w \times *k \rightarrow k$, $*a \times *o \rightarrow a$ (у славян) и т. п. Так, вся история фонологической системы праславянского языка выстраивается в последовательную и непрерывную цепь конвергентно-дивергентных процессов, связанных между собой причинно-следственными отношениями [13].

Если конвергентно-дивергентная теория Поливанова является бесспорным фундаментом диахронической фонологии и внутренним стимулом ее дальнейшего совершенствования, то и при создании диахронической морфологии она постепенно начинает выполнять роль фундамента. Опыт построения теории диахронической морфологии [14] свидетельствует о плодотворности экстраполяции поливановской конвергентно-дивергентной теории на область морфологии. Во всяком случае вскрывается механизм действия аналогии в морфологических изменениях. Проблема аналогии получает, наконец, собственно лингвистическую трактовку [14, с. 35]. Как и следовало ожидать, целая серия морфологических процессов, анализируемых аппаратом конвергентно-дивергентных процессов, выстраивается в цепочку взаимообусловленных процессов, связанных друг с другом причинно-следственными отношениями. Так, оказались взаимосвязанными процессы утраты двойственного числа (конвергенция $Du \times Pl.$), усиление падежных оппозиций ($G : L$), ($D : I$), ($N : A$) (последнее проявляется как развитие категории одушевленности) и ослабление корреляций вертикальных рядов парадигм (унификация типов склонения, ослабление родовой корреляции) и т. п. — вся деклинационная система в славянских и балтийских языках. Есть опыты применения концепции конвергентно-дивергентных процессов к анализу истории глагольной системы. На очереди стоит экстраполяция этой концепции в область истории словообразования (кое-какие мысли на этот счет есть у самого Е. Д. Поливанова). Можно сказать, что творческое освоение поливанов-

ского наследия только начинается. И следует надеяться, что прежде всего в трудах соотечественников его фундаментальные идеи получают новую жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
2. Энгельс Ф. Письмо И. Блоху // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. М., 1965. С. 395.
3. Журавлев В. К. Введение в диахроническую морфологию // *Linguistique balkanique*. 1976. XIX.
4. Журавлев В. К. Социолингвистический аспект истории литературных языков // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988.
5. Jakobson R. O. Principes de phonologie historique // *TCLP*. 1931. IV.
6. Журавлев В. К. Диахроническая фонология. М., 1986.
7. Ivić P. Roman Jakobson and the growth of phonology // *Linguistics*. 1965. V. 18.
8. Бодуэн де Куртене И. А. О древнепольском языке до XIV столетия. Лейпциг, 1870. С. 39.
9. Jakobson R. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves // *TCLP*. 1929. 2.
10. Аванесов Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки /l/ и /y/ // *Вестник МГУ*. 1947. № 1.
11. Журавлев В. К. Реконструкция праславянской системы шумных согласных древнейшего синхронного состояния // *Изв. на български език*. 1967. Кн. XIV.
12. Andersen H. IE*_s after i, u, r, k in Baltic and Slavic // *AL*. 1968. 11.
13. Журавлев В. К. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. Минск, 1963.
14. Журавлев В. К. Диахроническая морфология. М., 1991.